

ОЛЬГА БЕЛОВА

КРОТЫ ВАВИЛОНА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Ольга Белова

**Кроты Вавилона.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Белова О. А.

Кроты Вавилона. Сборник рассказов / О. А. Белова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965614-8

Луч, пронизывая рваный туман облака, щекотал землю, в небе висела птица, сообщество копошащихся насекомых хрустело жесткими, в мутных подтеках крыльями, чиркая небо крылом, вырезав круг, птица камнем упала вниз, жирная лоснящаяся земля, крошась и разваливаясь, открыла свои недра.

ISBN 978-5-44-965614-8

© Белова О. А.
© Издательские решения

Содержание

Сборник научно-популярных рассказов	6
КРОТЫ ВАВИЛОНА	7
ЗА МОСТОМ	11
ПЛАТЬЕ С РОЗОВЫМ ХВОСТОМ	16
ПУНКТ 3.2.5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кроты Вавилона

Сборник рассказов

Ольга Александровна Белова

© Ольга Александровна Белова, 2019

ISBN 978-5-4496-5614-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник научно-популярных рассказов

КРОТЫ ВАВИЛОНА (Рассказ-катастрофа)

*«Предрассудок! Он обломок
Древней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал»
(Е. Я. Баратынский)*

Луч, пронизывая рваный туман облака, щекотал землю, в небе висела птица, сообщество копошащихся насекомых хрустело жесткими, в мутных подтеках крыльями, чиркая небо крылом вырезав круг птица камнем упала вниз. Еле живой, полу сварившийся червь шевелился в крошечной тьме лабиринтов – жирная лоснящаяся земля, крошась и разваливаясь, раскрыла свои недра.

Согнутая фигура сидела под жарким лучом, черты мягко чернели в коже контр-ажура. Щуплые слизанные плечи должны были принадлежать женщине, но ею мог оказаться и мужчина – могучие руки давно не копали землю, не сеяли зерно, стрекочущие механизмы не стригли созревшие в золоте всходы, топливо – ежедневно требуемая подпитка – выращивалось в Вавилонских башнях лабораторий, на опоясывающих их, засаженных висячими садами оранжерейных ярусах. Картофель, придерживаясь традиционных технологий, культивировали из клубней, видимая надпочвенная часть которых переходила в колос, достаточно крепкий чтобы выдержать венчающую его лозу. Давая перманентный урожай – во всяком случае в те периоды, когда, вращая солнцелюбивой головой, стеблю удавалось ловить капризные лучи светила, – растение превосходило любого из своих предшественников по ценности заключённых в нём питательных веществ, отлично гасило потребности в пище, удобряя несъедобными частями свою же будущность. Солнечный свет, хотя и поступающий с перебойями, пришел на смену когда-то вытеснившего его электричества. Тщедушные, гроздьями свисающие со стен солнечные батареи использовали в тех частых случаях, когда солнце заходило. Больше всего на искусственную подпитку полагались «кроты» – люди той профессии, которых, как ни странно, но раньше с ними сравнивали. Земля сотрясалась, полюса лихорадило, тайфуны лизали истерзанные её поверхности с корнем вырывая из облысевшей головы последние клоки растительности, расплавленные реки, соскабливая берега, текли в смоляные озера. Ждали оледенение, ждали парниковый эффект, стращали геенной огненной, карканьем своим накликав кипящее удушье.

Всех трясло, всё покачивалось. Те участки земли, которые считались относительно спокойными, были отмечены, задокументированы, насколько это было возможно в условиях постоянной качки укреплены. Именно на них и возводились вавилонские башни небоскребов, на которых выращивались бобы и другие приносящие плоды, обвивающие их гибкостеблы. Внутри башен друг над другом в пронумерованном порядке располагались боксы. Боксы, больше похожие на соты, чем на жилище представляли собой вариант компактного удобства, административный отсек, сплошь утыканный торчащими из кресел служащими, находился тут же. Школы, детские сады располагались на самой верхотуре – вытянув шею сквозь облачный шарф башня почти касалась макушкой неба, только здесь можно было по-настоящему разглядеть солнце. Принимая непосредственное участие в «переселении народов» население, по мере взросления стекая по внутренним стенкам башни, перебиралось на более низкий уровень, но даже это не примиряло человека с уготовленной ему участью – человек всё еще боялся

быть погребенным заживо. День за днём обрушаясь, подминая под себя всё надстраивающиеся ноги, башня, как Колосс, оседала всё ниже. Нижние уровни становились естественными пластами захоронения тех, кто хоть чуть-чуть, но своё пожил. По страшной иронии, вскарабкавшись чуть ли не на вершину бессмертия человек погибал раздавленный своими же руками воздвигнутого. Там, где раньше под дом отводили новый участок, сейчас под строительство отводился новый уровень – легкость материалов, дотошность выверенных конструкций позволяли бесконечно устремляться ввысь – стремление к жизни сдерживалось лишь слоем разреженной атмосферы. К профессиям, которые всё еще можно было применять за пределами башен, относились археологи и разведчики, по сути одни и те же люди. Разведчики – те же археологи, только романтики, только копая землю они, веря в лучшее, всё еще надеялись найти относительно устойчивый пласт земли, на котором, как на дрейфующей льдине, можно было бы построить новую башню.

– Нашла! – крикнула девушка кому-то через плечо.

– Заканчивай, кажется опять начинается! – раздалось ей в ответ. Девушка с опаской оглянулась на подкравшуюся сзади тень.

От каждого плевка ветра башня шаталась как гуттаперчевая, и, хотя не было зафиксировано ни единого случая того, чтобы башня рассыпалась, не было такой, которая бы в конце концов вместе со всем своим скарбом так колом и не была бы проглочена – торчащий из земли исполин в одночасье превращался в культурный слой, «подарок» для будущих археологов. Когда башня обрушалась дотла, археологи были единственными, кто мог прийти на помощь выжившим, но о том, чтобы кого-то спасти не могло быть и речи, даже горстку людей вряд ли можно было довести по кипящей, раскалённой земле до перенаселенной, разбухшей, едва вмещающей уже имеющихся жителей соседней башни. Если терпела бедствие одна – с другой оставалось только наблюдать за крушением. Если светило солнце. Сами отважные, если только их до костей не сжирала лава, рано или поздно также становились достоянием немногочисленной когорты червей и своих же коллег, будущих представителей своей профессии.

Движимые не жаждой сокровищ, а жаждой знаний «кроты» рыли землю. Отчистив найденное от пепла, девушка сунула находку в рюкзак. Сокровища давно никого не прельщали. В условиях, когда бокс едва повторяет контуры твоего тела не станешь захламлять его вещами ненужными. Следы катастрофы, постигшей когда-то процветающую варварскую цивилизацию попадались всё чаще. В качестве нетленного источника знаний в башне было оставлено несколько старожил, несколько энциклопедических экземпляров находились под охраной государства и жили вместе с детьми на самой верхотуре, они-то и рассказывали о том, что когда-то в лаве, как в кислоте, растворилась большая часть населения... со всеми своими отарами... Вообще старожилы многое рассказывали... Рассказывали о библиотеках, в которых на цепях сидели книги, о дисках, на которых хранились целые библиотеки, об одетых в непромокаемую одежду домах, о чулках, опоясав которыми, можно было выдернуть с корнем целую башню. Рассказам их мало верили, даже находя всё больше подтверждений их словам.

Сзади раздался залп фейерверка, девушка вздрогнула, с верхнего яруса горячей головешкой вниз полетел человек. Свои толстосумы были конечно и на башне. С вечной тягой к излишествам, с неистребимым желанием жить на широкую ногу богачи, в каких бы условиях не оказались, старались везде устроить себе хотя бы в миниатюре бельпок – сытно покушав мешки-толстосумы взбирались на самую верхотуру и тогда, разбрызгивая во все стороны искры шампанского, пылающие тела-кометы летели вниз... Вдогонку скулила скрипка... Не каждый готов был уйти с головою в работу изо дня в день продолжая жить, занимаясь расчетом параметров стен с их последующим возведением в ожидании того момента, когда всё со свистом провалится в тартарары сплюсненного тяжестью башни скомканного тесного общежития, не у каждого элементарно хватало крепких длинных нервов...

Чудаки, не желающие воспользоваться неотъемлемым правом гражданина на свои три аршина, случались и среди обычных жителей башни – тело в таких случаях незамедлительно изымалось в целях дальнейшей правомерной утилизации заключенных в нём частей. Утаивание, на которое могли решиться разве что только родственники, стало не просто роскошью, а уголовно караемым преступлением – запрещалось всё, что вело к утяжелению башни – любой пустяк, зубочистка, все глубже загонял гвоздь башни в землю. В условиях непрекращающейся грандиозной стройки материалов на повседневные нужды не хватало, вместе с тем процветало кустарное производство, а вместе с ним и черный рынок, черепа шли на утварь, в особой цене были кубки – подлинные произведения искусства, за которые люди побогаче платили баснословные деньги... Особым шиком считалось пригубить вина из такого вот кубка во время одной не для всех вечеринок... Единственный живший на башне музыкант (выхлопотанный когда-то боссами у Правительства, за деньги на башне можно было купить все, только не билет на верхний уровень) мечтая об оркестре, завещал сделать из себя флейту – не жадное на советы сарафанное радио, в отличие от вечно барахлящего обычного, в условиях повышенной скученности работало отлично, из уст в уста передавались нетривиальные рецепты касательно того, как из берцовой кости сделать музыкальные инструменты, дудки, флейты и другие полезные в быту инструменты – гребни, ножи, вилки... Рецепты были такими обильными, что порой небезопасно было возвращаться в свой отсек темным лестничными пролётами.

Тонкое субтильное существо убрало прядь со лба, смахнув мягким ворсом остатки почвы с найденного. Девушка была специалистом по древности. Гладкие, одинаковые, в форме прямоугольника карточки, только и отличающиеся друг от друга выдавленным на каждой кавитетом, попадались все чаще. Скученность находок указывала на то, что они могли принадлежать к одной и той же эпохе, равномерное распределение внутри одного слоя давало возможность предположить, что это был какой-то культовый предмет – пронизывая все слои, он не был достоянием какой-то определенной касты. Старики говорили, что этот культ владел всеми умами... и над ними смеялись...

Земля, задыхаясь, всё еще дышала, девушка и человек торопливо складывали инструменты, быстрым шагом пара направилась в сторону башни. Земля закашлялась, содрогаясь, захрипела, башню слегка пошатывало и всё же во время землетрясений безопасней было находиться в башне, а не за её пределами.

– И эта рухнет... – глядя на подрагивающую конструкцию проговорила девушка.

– Никуда не денется, – подтвердил мужчина.

Не пройдя и сотни метров мужчина резко схватил девушку за рукав, пласт почвы надломился, оба застыли на краю разверзшейся перед ними пропасти – черной дырой зияли выскобленные до кишок пустоты, в которых раньше хранились земные внутренности. На то, чтобы обойти бездну, ушло вдвое больше времени, пара, продолжила путь – опасность не то, к чему нельзя привыкнуть.

– И почему они всегда носили с собой этот предмет? – потряхнув рюкзаком девушка поправила лямку, мужчина шаг в шаг ступал по ее рассыпающемуся следу, почва уходила из-под ног, начинались реки. – Если это был предмет культа, то он должен был храниться в особом, предназначенном для этого месте... Храме... Святилище... Зачем каждый раз, покидая стены своего жилища, брать его с собой?

– Зачем? Разве ты не знаешь?

Мужчина сверлил взглядом ее спину. Девушка не обернулась.

– Затем, чтобы много позднее этот предмет в его кармане нашли два археолога, – пошутил мужчина.

Девушка не обратила внимание на шутку, конечно возможно и с их костей когда-нибудь кто-то будет смахивать пыль тысячелетий и всё же...

– Карманная какая-то цивилизация..., – нанизывая слова в предположения продолжила она. – Выходя из дома, каждый запикивает божка себе в карман... Таскает его с собой повсюду... А может всё это делалось для того, чтобы иметь возможность повсюду ему молиться? – просияла девушка, как она сияла всегда, когда её казалось, что она набрела на что-то стоящее. – Мужчины хранили его у самого сердца... Нет определенно они были жрецами какого-то культа...

Человек усмехнулся и всё же, какую бы смехотворную идею не выдвигала его спутница, человек её, как пёс, всегда внимательно обнюхивал и даже если идея ему поначалу не нравилась, он её никогда не откидывал, а откладывал, как бы давая ей отлежаться с тем, чтобы позднее, в другое время, при других обстоятельствах, к ней возвратиться. В одном она была точно права – этот предмет был им очень нужен! Иначе зачем его повсюду таскать с собой!? Однородность всех найденных ими находок не давала и ему покоя. И чтобы там не говорили выжившие из ума старожилы, слишком малое количество текста не позволяло их отнести к предметам служащим для передачи информации или каких-то знаний, это была не книга, а что-то совершенно другое – какая-то идея настолько поработила все умы, что ею одурманенные люди даже писали свои одинаковые имена на каждой из этих табличек.

– Жаль, что постоянно трясёт, и мы никак не можем продвинуться дальше...

Шагая размашистым шагом, размышляя о только что сказанном, человек всё глубже погружался в размышления, сопоставляя, анализировал, вертел так и сяк артефакты.

– А что если старики правы?... Сам по себе предмет не представляет никакой ценности, а является только ключом, открывающим сундуки сокровищ?...

«Жажда накопления, а это универсальный накопитель...» – Мужчина вдруг встал столбом, ботинки тут же завязли по щиколотку в топи – на некоторых участках земли стоять было просто опасно, девушка потянула его за руку, до башни оставалось всего лишь несколько шагов, нужно было торопиться пока не зашло солнце.

Укрывшись в расшатывающемся здании двое зашли в археологический отсек, на полочке лежали недавно найденные трофеи, несколько в тонких чулках мумий, в нетленных лохмотьях предположительно мужчинам принадлежащие останки, и огромное количество облезлых, только слегка покалеченных твердой породой карточек – находки едва-едва начали складываться в единую картину. В следующий раз, когда выглянуло солнце девушка и мужчина снова вышли на содрогающуюся землю в поисках того нетленного, что оставила после себя цивилизация держателей пластиковых скрижалей.

ЗА МОСТОМ

Собираясь на работу Эмма одевалась особенно тщательно, к ней как к сотруднице профтрестобъединения предъявлялись особенно строгие требования, под которыми она, как и другие работники MCIndustries, подписалась и теперь неукоснительно следовала. Придирчивым взглядом осмотрев всё ли в порядке с посаженным на жесткий клей платьем, Эмма поправила кремовый шарф на горлышке, убедилась в том, что на её идеально ровном теле не осталось ни пятнышка – жирные следы от пальцев не то что может добавить очарование женщине, узоры от подушечек не те же кружева – прилагая максимум усилий Эмма первая стремилась избавиться от всей этой заляпанности. Раньше для того, чтобы привести себя в порядок нужно было пройти через целую процедуру, но потом некоторые стадии упразднили, теперь всё делалось в домашних условиях и только раз в месяц в определенные дни нужно было явиться на санобработку с тем, чтобы из тебя всё как следует выскоблили, потому что то, что снаружи отражает то, что внутри и важно то, что тебя наполняет.

Поправив подвязку Эмма заглянула в лежащий на столике ежедневник, маршрут у девушки с её формами был стандартный: с утра она должна заехать на производство, получить заказ согласно заявке, которая была получена накануне, потом к определенному часу подъехать в указанный пункт – география с учетом замкнутости городского пространства не слишком обширная, в других территориально удаленных точках клиентов обслуживала другая компания, – список самих точек был также не велик: бары, рестораны, закрытые вечеринки, корпоративные фуршеты – вечеринки с теми еще неожиданностями, были случаи когда она присутствовала третьей при встрече двоих – все эти с такой щепетильностью обставленные встречи только поначалу ещё могли казаться пикантными, но потом они даже ей осточертели: начиналось все приторно-стандартно, заканчивалось стандартно-одинаково, антураж всех этих энтреву был до невыносимости однообразен, если вечером её не выплескивали пеной в ванну, то на утро, пиявкой сжавшись, к ней присасывались губы и за всем этим исподтишка обязательно наблюдал какой-нибудь болван с завявшим бутонем – порой оканчивалось всё так, что было жаль потраченных свечей, самых безропотных из них созданий. В конце рабочего дня (в какое бы время суток он не закончился) Эмма чувствовала себя как никогда опустошенной, но на следующий день она получала очередной заказ и всё повторялось как смена времен года... и лучше не поднимать муть со дна...

После особенно бурных мероприятий полагался выходной – отмокая на следующее утро в ванной Эмма сдирала с себя остатки вчерашней униформы (одежда также выдавалась работодателем), если в течение двух дней подряд цель её визита не менялась, платье всё равно переклеивалось... Эмма захлопнула дверцы шкафа, в отличие от Кейт, которая одевалась что летом, что зимой в одно и то же гардероб Эммы состоял из нескольких одинаковых экземпляров несколькими видами представленных платьев. Зазвенел телефон, провозившись дольше, чем следует с платьем Эмма нервно поправила вензель медальона, опаздывать куда либо – моветон, но это оказалась всего лишь Кейт – у некоторых просто дар звонить в неподходящий момент! Эмма не ответила. (С Кейт только начини говорить, и она будет журчать, ухлопав на это уйму времени. Интенсивный график работы накладывал на жизнь свой отпечаток, и все же при невероятном множестве знакомств Эмма предпочитала дружить с кем-то из своих, пусть даже с простейшей из них Кейт. Стройная, с богатыми развитым телом Эмма выгодно отличалась на фоне невзрачной, едва доходившей ей до плеча подруги – на фоне такой, как Кейт, любая бы выгодно выглядела и всё же между Эммой и Кейт было гораздо больше общего, чем между ними и теми же интерьерными. По-своему истолковав когда-то одну и ту же идею утилитарные, с головой уйдя в работу, зачастую выполняя работу тяжелую, им не свойственную, вели беспорядочно-трудолюбивую деятельность, другие же вовсе от труда отказались, в отличие

от работяг-утилитов интерьерные вели образ жизни праздный. При таком положении вещей их только и осталось что повесить на стену, предварительно хотя бы что-нибудь нарисовав, чтоб не просто так собирали пыль в помещении. На Эмму таращась глазели несколько картин, будет что обсудить на завалинке)).

Зазвонил телефон.

– Да, уже спускаюсь, – на этот раз Эмма ответила, за ней как всегда прислали машину.

Боб ждал внизу, у подъезда, бедный старик Боб, вся жизнь которого заключалась в бесконечных разъездах сколько бы не колесил, так похоже и не встретил никого лучше Эммы. Перебирая миниатюрным ножками, Эмма спустилась по лестнице, вышла на улицу, Боб распахнул перед ней дверцу, усадил в ожидающееся её кресло... и Ого! даже накинул на ноги плед, чтобы она не дай бог не разбилась в дороге! интересно чего в этом было больше: действительно заботы о ней или беспокойства за собственную шкуру – случись что с ней по дороге, Бобу несдобровать. Ого-го! Эмма перехватила взгляд Боба и поспешно опустила глаза, устыдившись собственных мыслей. Боб по-прежнему, безнадежно был в неё влюблен...

Домчав до места, Боб мягко присел на рессоры, машина остановилась у конгресс-холла, столбами стоящие атланты свернули шеи наблюдая за тем, как Эмма, поднимаясь по лестнице, скрылась в залитой огнями зале. Улыбаясь в никуда, никому и всем сразу Эмма мягко ответила на чье-то приветствие. Публика собралась самая изысканная, самый джем. Женщины в бархатных, стелющихся шлейфом платьях, мужчины в разнообразных футлярах, на отшибе стояли несколько в монашеских одеяниях – кюве первого сорта, с плоским вкусом на подобного сорта мероприятия не допускались. Атмосфера была несколько пафосная, впрочем, как обычно. Над всеми возвышался внушительных размеров Соломон, редкий гость даже на таких мероприятиях. За редким исключением публика везде представляет собой сборище, но только не здесь – по долгу службы Эмма могла определить не только купаж, но и миллезим каждого – регион и год созревания записанные в паспортные данные. Заметив знакомого, Эмма направилась к нему, несколько мужчин прилипли к ней взглядом – на Эмме было крохотное черное платье (девушки её треста не носили длинных платьев), вокруг шеи каплевидной формы кольеретка, гладко зачесанная, желтая, как золото, головка, изысканный ремюаж – в таком виде можно было кому угодно разбить сердце, и каждая женщина только и ждет кто бы угодил в мышеловку.

Алекс приехал на вечеринку одним из последних, Эмма не сразу его заметила, публика, постепенно размораживаясь, в беспрестанном брожении наталкиваясь на старые, устанавливала новые знакомства, Эмма пока просто за ним наблюдала, через несколько минут ей казалось, что она знает его вечно, через четверть часа Эмме было наплевать, что он пришел на вечеринку не один и ему тоже похоже на это было наплевать. Алекс тоже обратил на неё внимание. Эмма, воспользовавшись своим положением, подошла и предложила шампанского. Состояние влюбленности сродни опьянению, в малых дозах оно легкомысленно-приятно, сопротивляться ему можно, хотя и не долго, как и опьянению... От волнения Эмме ударило в голову и она нечаянно выплеснула на молодого человека чуть не пол бутылки, стряхнув пену с рукава, Алекс замял неловкость, а между тем цепким взглядом осмотрел формы... где-то возле шеи темнело выгравированное VC – не в его правилах было заводить интрижки с персоналом, какой бы прекрасной бутылочной формы не оказалась девушка, но на этот случай и существует «но»... Молодые люди его круга порой позволяли себе подобного рода интрижки, один из его приятелей однажды решился даже на длительные отношения, но это скорее были отношения из разряда позлить свою бывшую, подействовать на нервы вечно зудящим родителям – о серьезных отношениях не могло быть и речи, если только не надеясь, что от вашего союза появятся на свет маленькие карапузы-бутелята.

Если женщина зацепила, мужчина обычно строит планы на вечер, не на годы вперед, во всяком случае на первых порах его меньше всего интересует её внутреннее устройство. Алекс не особенно вдавался в подробности касательно того, как устроены эти люди? Отчего они стали такими? Он даже не знал были ли эти женщины по-настоящему женщины или остальное было в них удалено или за ненадобностью атрофировалось. Что касается причин послуживших, здесь Алекс тоже не углублялся, хотя, как и большинство, полагал, что в какой-то мере эти люди были сами повинны в том, что с ними произошло – заикленность на чём-то одном неизбежно привела к психическим, хуже того физиологическим изменениям, а когда они ни на что больше стали негодны из них только и осталось что наделать бутылок – с небольшими вливаниями уже эмоционально подготовленные особи не составило большого труда доработать до их функционального максимума, который они сами и выбрали. Однако все эти где-то на доньшке выпавшие мысли не имели ничего общего с тем, как Алекс смотрел сейчас на Эмму. Эмма ему нравилась.

– Что Вы предпочитаете в это время суток? – Алекс взял с подноса еще один бокал, вино мохнатой кометой закружилось по стенкам бокала.

Эмма пригубила вина, девушкам из команды VineCraft вина конечно не предлагали и Эмма оценила этот жест, общаться с гостями было не положено, но нет ничего приятнее, чем нарушение запретов. Метрдотеля поблизости не было, он должно быть покинул зал, чтобы сделать распоряжения. Она молодому человеку тоже нравилась, чтобы это не понять нужно быть совсем уж с пробковой головой, ну и плевать что он скорее всего просто поссорился со своей девушкой и теперь возможно просто хочет ей насолить... (Общество уже не страдало той классовой заикленностью, общение между низшими и высшими конечно происходило, но в формальной обстановке низшие и высшие говорили только о работе, а в неформальной лучше было конечно тему работы избегать, и не только потому, что как таковой в привычном для низших понимании работы у высших давно не было – высшие давно научились сами себя организовывать, а не ждали пока их направят чужие руки...)

– Как Вам здесь нравится?

– Прекрасный вечер, один из лучших в этом сезоне.

– А вот и месье Луи Р., – Алекс учтиво кивнул стоящему поодаль мужчине, к нему подошла в небезызвестно прозрачном одеянии Кристаль, его неизменная спутница сегодня была в розовом.

– Вам очень идет это платье..., – Алекс, не особенно считаясь с правилами приличия, рассматривал Эмму.

– Белое из черного получается только из красного...

– Не удивлюсь, если сейчас войдет какая-нибудь царская особа...

– Или звезда Голливуда, – заискрилась Эмма, указывая на вошедшую в зал женщину.

– А с ней писатель! весь сброд! кого они только не пригласили? – Алекс нечаянно коснулся руки девушки.

Эмма, засмеявшись, руки не отдернула.

– Они кажется направляются к нам, – Алекс в ужасе расширил глаза, глаза вопросительно смотрели на Эмму.

Девушки незаметно кивнула.

– Буду ждать тебя в холле...

Говорить об одном, подразумевая нечто другое, порой бывает также полезно, как нанизывать на шпажку клубнику, лишь бы не сломать себе шею во всей этой многоэтажности смысла, Эмма обожала слова, в которых больше вкуса, чем значения и сегодня у неё было какое-то особенно игривое настроение...

Алекс, а следом за ним и Эмма выскользнули из залитого электричеством холла...

– Я провожу... – Алекс взял Эмму под руку и они пошли по набережной, Эмма была конечно не девственная, как клеящееся на неё каждый день этикетка, у неё были отношения с человеком-официантом, и даже с вечно взвинченным, совершенно ей не подходящим человеком-штопором, но чтобы просто человек-человек предложил её проводить такого с ней еще не случилось.

Пара медленно шла по набережной, им вслед не без зависти смотрели люди-фонари, люди-клумбы, люди с вросшими в землю ногами стояли по-собачьи вытянув спины. Эмма, Боб, человек с завявшим бутонем, так же, как и огромное количество других людей-функций, людей со стеклянными телами, железными клешнями, оловянными сердцами жили на другой стороне реки, в той части города, где, кипя в производстве непрерывного цикла, работа ни на миг не затихала. Естественным барьером между двумя частями города служила излучина реки, через которую были перекинута несколько мостов, по которым вечерним утром на работу, и утренним вечером домой возвращались люди из низших. За рекой громоздились грудой наваленные коробки, когда спохватились и стали вносить изменения в проекты было уже поздно, сознание многих многими поколениями живущих в подобных жилищах было деформировано, предки таких, как Эмма так и остались жить здесь, а предки Алекса построили новый город, и были достаточно милосердны, чтобы взять всех с собой в будущее. Вышние следили за тем, чтобы в городе было чисто, чтобы все функционировало, поддерживали в порядке водопровод и канализацию, обеспечивали работой (такие как Эмма были не только законодательно защищены, но даже пользовались некоторыми привилегиями), конечно они были в этом напрямую заинтересованы, но эта пусть даже и эгоистичная заинтересованность давала жизнь их вчерашним соседям.

Алекс Вел себя очень достойно, по дороге он позволил себе только положить руку Эмме на талию, Эмма сделала вид, что не заметила, оба почувствовали, как незаметно переступили ту самую грань и их бы теперь не смог спасти даже стальной корсет, который иногда носила Эмма.

Эмма направилась к мосту, но Алекс взял её за локоть.

– Пойдем ко мне? – когда мысли роем шуршат в хорошенькой головке, молодой человек обычно не отличается разнообразием мыслей.

Дома произошло все быстро... Бретелька (1) упала с покатога плечика... Алекс несколько замешкался с платьем, но потом сообразив, что Эмма не та девушка, с которой можно вот так быстро сдернуть платье, оставил его в покое, и, подхватив её на руки, донес до спальни, опрокинув на ложе – оба приняли музыкальное положение. Эмма все чувствовала и была далеко не стеклянная, так и не наевшись его запаха Эмма заснула у Алекса под мышкой. Когда она открыла глаза на неё смотрела та самая девушка, с которой Алекс пришел на вечеринку...

За свою долгую жизнь в не человечески прочном теле Эмме не раз довелось пережить унижение, она и сейчас вспоминала с содроганием тот случай, когда бросив на пол, её что есть мочи крутили – раскальваясь в крупно порубленные осколки, всё вокруг осыпаясь, смазывалось в масло. Девушка что-то говорила, лицо её разрезаясь, стало таким будто она наелась испорченных ягод. Эмма скатилась под диван, забилась в угол, но и тут не нашла спасение. Вышвырнув бутылку, девушка нашла еще несколько её подруг на кухне и они направились вслед за Эммой.

Оправив остатки платья Эмма не сразу поднялась на ноги. Её обгоняя на работу спешили вереницы живой массы, мясом набивая вагоны, тесные гусеничные туловища автобусов, массы ехали на работу, чтобы, доехав до рабочего места, из живых людей однотипные документы, пережеванные операции штамповали все более похожих друг на друга заготовок будущей низшей касты. Эмма стряхнула наваждение, час был ранний, прохожих на улице было не много,

фонари, потухнув, стояли спрятав лица. Машина с беззвучно моргающим на макушке маячком металась по городу, притормозив возле человека-лавки, вытащили толстые перчатки, оглушив, хлопнули дверцей!!! Машина, набрав скорость, запрыгала по мощенному тротуару. Больно катаясь в пластмассовой клетке Эмма думала о том, что её ожидает... В звенящей пустоте голове всплывали отрывки контракта... «В случае непредвиденном она сама должна была доехать в ближайший пункт проверки... следить за своим физическим состоянием – входило в её непосредственные обязанности... чтобы не потерять работу лучше не допускать трещин, сосколов и других мелких неприятностей» Всё было прописано черным по белому. Ночная прогулка была конечно случаем непредвиденным. Впереди, за поворотом её ожидала внеплановая санобработка. Эмма ударилась о борт! Ударилась еще раз! Из-за зелени взлохмаченных голов показались ворота. Всё это напоминало тюрьму или профильную больницу, собрав всех вместе у них отберут платье, поставят в ряд, а потом будут мыть из шланга, заглядывая в дыры – не даром же она родилась со стеклянным, таким удобным для мытья лоном! Душа рыдала в стеклянном теле.

Проезжая по тому самому мосту, на котором она вчера стояла с Алексом, Эмма, взявшись за бортики дребезжащего грузовичка, подползла к краю, последний раз взглянула на Боба (Бедный старик Боб, всю ночь исколесил, разыскивая её по городу), скатилась на мостовую и покатила к кромке...

Примечание автора:

1.Здесь мягкий знак не требует замены на букву «Б»

ПЛАТЬЕ С РОЗОВЫМ ХВОСТОМ (мистический рассказ)

Маша подметала пол, мама ей сказала, что так раньше ходили дамы, но Маше в это совсем не верилось – на улице ни одной такой дамы девочка не видела, а вот подметать таким павлиньим хвостом пол было очень удобно: под длинным-предлинным подолом уже скрылись резиновый слон и плюшевый медвежонок; переставляя крохотные, в новеньких башмачках ножки Маша осторожно, кругами ходила по комнате, сосредоточенно наблюдая за тем, чтобы из-под пышного гнета юбки не выскочил Бармалей и придавленный воланом солдатик. Паровоз, припадая на один вагон, дохлой гусеницей волочился за Машей. Когда Маша взлетела вверх, к самой люстре, она долго порхала стрекозой рассекая воздух, пока её с громким, в самое ухо жужжанием не опустили на место – теперь она стояла в праздничном щекотливом платье возле самой ёлки.

Хотя и очень красиво шурша, платье было подлым, Маша сама просила купить его маму, но теперь оно ехидной кололось – девочка сердито ковырнула воротничок, но тот, посаженный на ножку пуговицы, стал ещё злее кусаться. Губки Маши скривились, став от досады лимоннокислыми, но никто не заплакал, личико из капризного стало вновь прелестно милым и, стоя теперь на стуле, Маша смотрела на всех с изумлением – к пойманной цокотухе всё подползали и подползали люди... Лихорадец залил детские щечки. В комнате были и мама, и папа, а мамина мама что-то сказала Машиной тётке, рядом с которой стоял Машин дед, которого она теперь не капельки не боялась – все по отдельности девочке были знакомы, но, стоя так близко, взрослые, как пластилин, слипались в коробке... Машенька с горечью охнула: к ней подбираясь, всё вылуплялись новые головы, стул пошатнулся, висюлька на ёлке дрогнула, чудище, всё разбухая, собой набивало комнату, дым не валил из ноздрей, огнём не лизалось пламя, но было оно страшнее того, что пряталось под диваном. Улыбка зияла дырой. Пожухнув, исчезли лица и расползаясь все шире, красно-прекрасным ртом с нею одной говорило настойчиво говорило, и всё просило, всё приговаривало. «Ну, Машенька! Ну, смелее!» А в ухо трубило бубнило, настырно бубнило твердило: «Ну, Машенька! Ну же! Ну же!»

Еще бы чуть-чуть и Маша упала, разлетелась вдребезги, как с ветки упавший на ёлке повешенный шар, но мама вдруг отделилась от чудища. Когда она подошла, ножки снова оторвались от стула – страшно красивая юбка повисла под Машей плетью. Щекоча и играя, мама пробралась к Машиному ушку и шепнула то самое слово, которое никак не могла вспомнить девочка и Маша, как их черноухий щенок, когда его тащат, а он не хочет, потащила за маминной фразой, повторяя вчера еще такие знакомые и так бойко рассказанные и маме, и папе, и дедушке строчки по ёлку, снежинку и звездочку. А затем их осыпали мелкими бумажными конфетами, а мама фыркала и фырчала и недовольно поправляла прическу.

После стишка жить стало легче и веселее, и даже платье перестало колотиться, взрослые переключились на что-то другое, про Машу как будто забыли и девочка больше не ловила на себе тех пристальных взглядов, которые не раз замечала у дяди Коли, когда он, ковыряясь в блюде, цепляет чей-то кусочек. Мигнула гирлянда, про Машу снова вспомнили и снова начали мучить, как когда-то она сама мучила Мурзика, когда он только появился в их доме, но у Мурзика было спасение, щенок забивался в щель между диваном и стенкой и оттуда так грозно рычал, что даже дед его боялся. Теперь-то Маша поняла какая она великанша, все её как когда-то маленького Мурзика тискали, а она даже не могла забиться в щель между диваном и креслом. После тёти Кати девочка попала в лапы дяди Саши, но тот, взяв её на руки смотрел не на Машу, а совсем на другую тётю. От Маши опять чего-то хотели, стишком про Снежинку мучения её не закончились, все требовали какое-то желание – желаний у Маши,

признаться, было множество, но сейчас они как на зло куда-то улетучились. Маша думала-думала, ну и загадала про снег и про то, чтобы всё вокруг ожило. (Глупее желания трудно было придумать, об этом сразу же сказала бабушка...)

Снег за окном итак шел, валил какими-то несметными хлопьями, так что была едва различима стена дома напротив и у сугробов, как у верблюдов, на глазах вырастали горбы, снежные, пушистые... Стоило Маше только вымолвить это желание, взрослых словно укусила какая-то весёлость и её вместе с облачным розовым платьем потащили к окну – кто-то стал водить по тонкому хрустальному стеклу тыча в него пальцем так, будто бы она никогда не видела снега и зимует здесь первую зиму. Пока все глядели на снежную-белоснежную вату, что-то опять произошло, кажется опять мигнула гирлянда, снег за стеклом пошел еще гуще, и это были уже не одинокие порхающие снежинки, а вцепившиеся друг в друга, переваливающиеся то на один бок то на другой, перекособоченные снежные лапы, которые, долетая до земли, кажется и вправду оставляли там следы, и Маша наконец-то поняла, что же это на самом деле значит, когда говорят, что снег идет... Первое желание кажется с перебором, но было исполнено, Маша отвернулась от окна и теперь исподлобья поглядывала на ёлку, поглядывала чего-то опасаясь, но в тоже время страстно, как только ребенок может, чего-то желая.

Стекая прозрачной сосулькой на ветке висела ледышка, порхала, крутясь, балерина, а к ней развернув морковку грустил снеговик с метлою, хотя Маша точно помнила, что перевешивала упрямого Буратино повыше, поближе к звёздочке. Игрушки, словно шишки, выросли на ёлке и одна только Маша с мамой знали, что до этого они спали в ящике на антресоли. Маша потянула ручки к странному, похожему на тарелку платью – больше всего девочке хотелось, чтобы ожила балерина, ну, или хотя бы твякнула собачка! Блеснула блестка, пробежала вприпрыжку искорка, но это поймал солнечный блик дождик, Маша ждала напрасно, клоун шел в за трубу подвешенный домик, но больше ничего не происходило, ёлка просто мигала и за несколько дней Маша уже выучила и мелодию, и её разноцветное моргание.

Забыв о Машином втором желании все с шумом рассаживались за столом, Маша удивленно за всем наблюдала – бабушка решила поставить на стол всю, которая только была посуду. Девочку снова подхватили чьи-то руки... Сидеть у мамы, папы и даже у тёти Вали было привычно, но Маше больше всего хотелось сидеть у дедушки, потому что дед однажды согласился быть гномом и еще потому, что дедушка сразу бы положил ей в тарелку апельсин и тут бы уже никто ничего не смог сделать, даже мама. Как только Машу спустили на землю, она прямоком направилась к дедушке, но тут её перехватила та самая незнакомая тетя, которая пришла с дядей Витей – Маша пока не знала хорошо это или плохо, что она попала на колени именно к этой тете, потому как не догадывалась кем тётя окажется больше: дедушкой или мамой?

Маша сидела на коленках перебирая на тётинной шее бусы, а на них всё смотрел и смотрел дядя Витя, Маша конечно поняла, что эти бусы – подарок дяди Вити, просто от того, что, когда дядя Витя приходил к ним, он и ей всегда дарил подарок, от чего мама непременно ойкала и просила Машу, как в цирке медведя, кивая головой, говорить «спасибо».

Хлопнула дверь. Не на всех хватило стульев... Что-то бухнуло так, что громко захрустели бокалы, а пока все затихли и мама бегала на кухню, чтобы вытереть скатерть, ручеек всё ближе и ближе подбирался к Маше, а когда она опустила в него палец, жидкость эта ужалилась! Маша аж вскрикнула! Пока тётя всё дула и дула, остужая ей пальчик, Маша опять принялась разглядывать бусы – тётя ей все больше и больше нравилась и, когда Машу об этом спросили, она в этом честно призналась. Пальчику было уже не больно, не осталось даже царапины, тут-то Маша и заметила, что теперь у неё, как у взрослой, большая тарелка, тут-то всё и произошло, всё и начало оживать прямо у Маши перед глазами, то ли от того, что именно она загадывала желания или от того, что именно у неё это очутилось перед глазами, а может

от волшебного зефирного платья, которое Маша уже не раз пыталась лизнуть украдкой? Все собрались, на праздничном столе было всё, но не хватало одной лишь горчицы и за ней опять убежала мама...

Всё началось с блюда, Маша и не заметила, как оно вытянулось и стало худеньким и тонким, на блюде лежала русалка вся в серо-розовом перламутре, который Маша однажды видела на одежде у пуговицы... Русалка лежала на боку и была хвостом, не виляла хвостиком! плеская за край изумрудные хлопья. Когда Маша утром зашла на кухню показать, как она нарядила к празднику Катю, свою новую куклу, бабушка, всхлипнув, тут же её выгнала! Стоя в коридоре, Маша следом за бабушкой заплакала: «Разве она подозревала, разве могла догадаться, что бабушка возьмет и зарежет её на мелкие части?!» Прямо у Маши на глазах русалка расплзлась на мелкие кусочки, все тыкали в неё вилками и, роняя зелёные крошки, растаскивали тельце по тарелкам, а дядя Коля сказал, что её любит, а сам её ел! Бабушка что-то причитала про шубу, будто бы она должна быть у русалки, но Маша знала, что всё это сказки – все шубы висели в прихожей, а те, которые не поместились, лежали мохнатой медвежьей берлогой на дедушки старом кресле.

Маша переключилась быстрее, чем огоньки на елке, и даже быстрее, чем закончилась всеми нахваливаемая бабушкина селедка. Когда Маша была маленькой ей про кого только не читали, читали и про гуся и теперь Маша исподлобья смотрела на прямо перед ней сидящего гуся, и никак не могла взять в толк – тот ли это гусь, который купался в той самой канавке? И если тот, то где его братец? Хоть бы даже и серый... Все это случилось должно быть еще летом, когда Маша была с бабушкой в деревне, гуся заломили крылья, потом блеснул топор! Маша зажмурилась, в этот момент что-то под ухом у нее грохнуло, все засмеялись, но Маша все еще боялась открыть глаза (хотя топор был тот самый топор, который был в книжке, которая стояла возле настольной лампы, и ничего кроме того, что из него сварят кашу от него ожидать было невозможно.)

Маше конечно пришлось открыть глаза, об этом уже просили и мама, и папа, и дедушка, и даже незнакомая тетя, на беспокойных коленях которой она сидела. Гусь теперь уже никуда не бежал, не вырывался, а смешно повалился набок и только апельсиновая лапка еле подрагивала. Из шеи всё текло и текло и уже натекло озерцо красной-прекрасной краски, до которой очень хотелось дотронуться. Маша потянула ручку, но тут подоспело бабушкино: «Машутка!» и Маша как от огня отдернула пальчик. Маша нахмурилась, пуще прежнего надулась, бабушке, как впрочем, и маме, хотелось, чтобы она сегодня была какой-то совсем другой девочкой!!! Ни на кого не глядя, Маша теперь глазела на одного лишь гуся, который сиднем сидел в блюде. Гусь был не белый, не серый, а какой-то весь шоколадно-жаренный и бабушка хвасталась тем, что у него внутри мандарины и яблоки. Больше Маша не тянулась к гусям и конечно не плакала – Маша была предупреждена, что плачущей девочке не место на празднике. А всё вокруг продолжало оживать. Все визжало, стрекотало, повизгивал маленький, только что родившийся поросенок, младенцу вспороли живот и из него летели прямо на стол совсем не мандарины, не печеные яблоки, и Маша долго, пока не замер ребёнок, смотрела на то из чего состоит поросянок...

Когда дядя Коля подавился косточкой, все повскакивали, даже тетя, на чьих коленях она сидела, встала расправив платье – Маша совсем не нарочно соскользнула под стол. Сидя в своем маленьком, накрытом скатертью домике Маша наблюдала за тем, как вокруг бегали ноги, но узнавала лишь маму, папу и бабушку. Вылезла Маша только тогда, когда приехали, точно такие каких ей подарили на прошлый праздник дяди. Маша тихонечко вылезла из своего домика, пробралась к окну, влезла на стул и даже еще выше и увидела желтую красивую машину совсем не такую, какая была у папы и у дяди Вити. На машину несметным роем падали снежинки... Дядя Коля уже не сидел на стуле, с ним всё что-то делали, а он, вытянувшись солдатиком, лежал на полу и все не хотел подниматься и его даже не отлупили... – обернувшись,

сквозь мутную пелену завеси Маша наблюдала за происходящим. Когда из огромного ящика стали вытаскивать какие-то предметы Маша почувствовала себя ужасно обманутой, её сундук казался ей теперь совсем крошечным, а тётя Лена, даря ей аптечку, говорила, что в ней есть всё-всё-всё, всё что только может понадобиться доктору. Дядя Коля по-прежнему неподвижно лежал на ковре, как иногда лежит Мурзик, когда притворяется спящим. Не поднялся дядя Коля даже тогда, когда в дверь позвонили и в комнату, хрюкая и гогоча, вошли Гусь с Поросенком! Какого же было Машино удивление, когда под масками оказались всего лишь дядя Паша с тётей Олей, только вот лица у них были вытянуто-зелёными, а не розовые, как у клоунов! Тут-то Машу и заметили! Девочку сдернули со стула и обидно потащили за руку мимо тети Лены, которая почему-то жутко голосила и была теперь не красавицей, а чудилищем... как, впрочем, и говорила мама...

Когда Маша, вместе с волочашей за ней по пятам юбкой, скрылась в другой комнате, дед включил телевизор – на боку лежал паровоз, где-то не у нас поезд сошел с рельсов, тётя улыбающимся ртом рассказала и о том, что приключилось в зоопарке со слоном, а в лесу с медведем. Маша, больше уж себя не мучая, не сдерживая, дала волю слезам, разрыдалась так, что бабушка ее насилу успокоила, да так и заснула в розовом платице...

Бабушка стащила со спящей Машеньки платице. «Надо ж было так нарядить ребенка!», повесила на спинку стула, на полу, у ножки стула так и остался валяться солдатик.

ПУНКТ 3.2.5

Сидящий напротив Ильи мужчина вписал от руки в пропущенную строку имя и передал ему бумаги, стандартная форма на протяжении многих лет не менялась, привычные, хорошо знакомые пункты- предмет договора, права и обязанности сторон, сроки, ответственность – несколько пронумерованных, напечатанных двенадцатым кеглем листов, пункт 3.2.5, прописанный мелким шрифтом в самом низу страницы когда-то вызвал у Ильи недоумение и только впоследствии он осознал всю его ценность. Молодой человек формально пробежался по условиям, пункт 4.5 оговаривал условия конфиденциальности – нарушать данное условие было прежде всего не в его интересах, рот в его деле нужно держать на замке.

Профессия Ильи была не из тех, которыми принято на каждом углу хвастать. Введение практики выявления склонностей в некотором смысле облегчило мытарства среднестатистического гражданина, дар, а скорее чутье самостоятельно выбрать свою стезю так и осталось уделом немногих; лучшие из человеческих умов конечно давно догадывались, что, если бы потенциал человека раскрывался также легко, как консервная банка, все бы от этого только выиграло, во всяком случае качество предоставляемых товаров и услуг повысилось, да и неврозов по поводу бесцельно прожитых лет поубавилось. Но, что бы там не витало в воздухе, от идеи до реализации – путь долгий, и путь этот – канавы да ямы.

Пока находящаяся долгое время в зачаточном состоянии идея, заручаясь поддержкой нужных людей, преодолевала многочисленные бюрократические препоны и искала финансирование, толпа не сидела сложа руки – население за шкуру вытаскивало себя из успевшей набить всем оскомину «зоны комфорта» и, заглянув внутрь себя, с остервенением золотоискателя искало хитро запрятанный потенциал. Искусство приняло удар на себя, вульгаризация сметала всё на своем пути, в период запойного индивидуализма расплодилось особенно много очумелых дилетантов-любителей, много разных творений увидело свет прежде чем тянущийся к прекрасному обыватель понял, что искусство не закупорено в картинах, кинофильмах и фотографиях, и тратить драгоценные время и силы на дрянные стишки и прозу такое же преступление как и не печь чудесные торты к чему у тебя собственно и есть дарование. Идею о том, что профессия кондитера, сапожника, агронома не менее благородна и благодатна, чем стезя художника, режиссера, во всяком случае пока у человека есть ноги и желудок, пропихнули, хотя и с большим скрипом.

Классификатор профессий и должностей уточнялся, дополнялся, стараясь вместить в себя всю массу возможностей человеческой биомассы – не было такой направленности, которая не нашла бы в нем свое отражение и не расцвела на благо человека и общества. Не углубляясь в терминологию отмечу, что после прохождения стандартной процедуры было выяснено, что Илья получил в наследство такое морфологическое строение подкорочки, при которой в нём при удачном (заячьи уши под ёлочкой) стечении обстоятельств мог проявиться убийца-вывод не только довольно редкий, но и, мягко говоря, неутешительный. Обычно таких прямымьонько отправляли на бойни (человечеству оказалось легче ввести мораторий на ядерные испытания, чем отказаться от бифштексов, тех самых Medium Rare – потребность в таких людях все еще существовала). У Ильи показатели зашкаливали. На ранних стадиях выявив склонность за такими, как он наблюдали, пытались перебить природное благоприятной средой и воспитанием, сеяли доброе, разумное, вечное, трепетно культивировали чахлые всходы, работа велась кропотливая и в общем неблагодарная, хотя, справедливости ради надо сказать, что порой самоотверженный труд нет-нет да и приносил результаты: склонность так или иначе удавалось купировать или перенаправить, ценой невероятных стараний самое тёмное в личности человека загонялось в подполье – одного прирожденного людоеда пристроили в кине-

матограф, в звездном своем сериале он загубил 47 жизней и этих экранных жертв оказалось достаточно для того, чтобы заморить собственного червячка. Возвращаясь в семью, мужчина жил вполне обычной жизнью, плодил детишек и был душкой.

Не всякой идее суждено обрести плотью и кровью, не сразу правосудие преобразовалось из карательного в предупредительное, предстояло пройти путь гораздо более долгий, чем тот, который был пройден от гильотин и трехэтажных виселиц до тюремных камер с трехразовым питанием и собственным огородом и бахчей с дынями. Несмотря на щедро изливающееся финансирование бесперебойно поступающее от филантропически-настроенных слоев населения и на все предпринятые усилия не все было так утешительно и однозначно, Многие с пеной у рта доказывали, что оставлять подобных людей все равно что жить на пороховой бочке, их оппоненты, ратующие за человеколюбие, настаивали на том, что такие люди есть не что иное как «отрыжка», простите уж за буквальность, долгого периода пожирания человека человеком, и в том что они такие не вина их, а их беда! И именно поэтому им нужно помогать, причем не жалея сил. Защитники гражданского общества (туда же и свободы) стояли на реализации заложенного в человеке потенциала, какой бы кровью это не давалось, однако предпочитали не жить с таким людьми в одних районах, не работать на одном предприятии, не отдавать своих детей в детские сады вместе с детьми Чикатил и Джеков Потрошителей, в общем, всё как обычно. Идеи об их отделении от общества долгое время муссировались, но строительство за колючей проволокой целого города со всей необходимой инфраструктурой оказалось делом затратным. Кроме того, само наличие тюрьмы (и даже просто огороженной территории), как института, сигнализировало бы о том, что в обществе не все в порядке, а многим так хотелось верить, что все гадкое, мерзкое, низкое позади и в Багдаде наконец-таки всё спокойно... Что делать? Вопрос вечный! Как реализовать заложенное без ущерба для окружающих? Как сделать так, чтобы и волки и овцы остались довольны, когда строительство элементарного забора, не говоря уже о проведении границ и демаркационных линий давно считается дурным тоном? Спор удалось разрешить совершенно естественным образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.